

Вырезка из газеты

ВОЛЖСКАЯ
КОММУНА

№ 9

МАЯ 1976

г. Куйбышев

ЧЕЛОВЕК с сучковатой палкой в руке шел по лесу. Лес еще не пробудился от зимнего сна. Еще чернели в низинах остатки грязного снега, еще не просохла земля, и робкие зеленые ростки проклевывались на солнцепеке. Лес был тих, торжествен и прозрачен.

Человек поворочил палкой прелую прошлогоднюю листву, вытащил из-под валежника пропитанный влагой корень и долго вглядывался в него, поворачивая так и этак, прикидывая в уме, на что он похож. И вдруг улыбнулся. Может быть, пришло озарение, и в изогнутой потемневшей древесине проглянули

ма». Потом была роль молодого Ильи Артамонова в инсценировке романа Горького и новая встреча с Горьким, которая принесла молодому актеру первый успех... Он сыграл Николая Весовщикова в инсценировке романа Горького «Мать». Роль была не только крупная, но и психологически сложная, и постановщик спектакля, режиссер и педагог Морозов П. Л. Монастырский не ошибся, поручив ее молодому, еще неопытному актеру.

Озлобленным на весь мир, с анархическими замашками появлялся Николай Весовщиков в начале спектакля. Нечесанные, взъерошенные ве-

Вероятно, накапливался он все эти годы, созрел от роли к роли.

Недавно один московский критик, посмотрев две последние работы Морозова в спектаклях «Атланты и кариатиды» и «Бешеные деньги», сказал, что отличительной чертой этого артиста является духовность. Я бы прибавила к этому еще одно — доброта. Духовность и доброта, любовь к своим героям и к людям вообще.

Ивану Морозову близки натуре целеустремленные, знающие, зачем они живут на земле. Именно этим и привлекает внимание зрителей в исполнении Морозова архи-

венности перед природой за все живое и живущее оказался близким самому актеру, его собственным чувствам и мыслям.

Опустив на колени тяжелые, натруженные крестьянские руки, сидит Келлин — Морозов перед другом детства Михаем и неторопливо рассказывает ему о себе, о Марии, о родном селе. И с детской неперпеливостью требует от него немедленных мер и решений. Немедленных потому, что человек не может, не должен проходить мимо подлости, жестокости, равнодушия к природе — к святой святых нашей жизни.

И, наконец, совсем недавняя работа Ивана Морозова, раскрывшая еще одну грань, а вернее новые грани его актерской индивидуальности, — роль Василькова в комедии А. Островского «Бешеные деньги».

Василькова в разные времена играли по-разному: идеализировали как единственного дельного человека среди разорившихся дворянских бездельников, разоблачали как буржуазного дельца, для которого деньги превыше всего.

Васильков Морозова прежде всего живой человек. Он простодушен и по-настоящему увлечен Лидией в первых картинах спектакля, смешон и забавен, появившись на бульваре в котелке и начищенных сапогах. Но уже очень скоро в голосе его прозвучат нотки холодные, «непреклонные». И сразу станет ясно, что он «из бюджета не выйдет», и Лидия вынуждена будет ему покориться. У Морозова в этом спектакле много прекрасно сыгранных сцен. Он искренно восхищается женой в сцене объяснения с Лидией, полностью верит ее заверениям в любви, радуется своему счастью. Но вот Лидия отдает ему счега, и враз твердеет взгляд светлых глаз Василькова, и уже нет и в помине влюбленной доверчивости, и, грохнув по столу счегами, Васильков раздельно произносит слова «мой ангел» с явной, откровенной угрозой. Великолпно, с нотками настоящей человеческой боли проводит Морозов сцену самоубийства Василькова.

Когда говорят о каком-то качественном скачке в творчестве Ивана Морозова, мне думается, что это не совсем так, просто актер вступил в пору творческой и человеческой зрелости.

...Недавно в Доме актера была открыта выставка работ Морозова по дереву. Безжизненные корни, сучки, коряги умелой рукой артиста превращены в подлинные произведения искусства. Помогает ли это увлечение Морозову в его основной актерской профессии? Да, несомненно. Давая новую жизнь старому, отжившему свой век дереву, он как бы осязательно продолжает совершенствовать свое актерское мастерство, у которого в общем-то та же цель — ежевечерне, на каждом спектакле, давать новую жизнь сценическим образам.

Это ли не главная цель настоящего художника.

И. ТУМАНОВСКАЯ.

Творческий портрет

ВОЗРАСТ
ВЫСОКОЙ
ЗРЕЛОСТИ

На снимке: артист Куйбышевского академического театра драмы имени А. М. Горького И. Морозов.

Фото З. Брайнина.

для него очертания тонконового северного оленя, а вместе с ним пришло то, ради чего и пришел Иван Морозов в пустой лес: вдруг почувдалась иная, не наша, северная природа, среди которой живет его новый герой, финский фермер Юхани Нискавуори из пьесы финской писательницы Х. Вуолийоки «Дом на скале», которую репетируют сейчас в театре.

Для артиста Куйбышевского академического театра драмы имени А. М. Горького Ивана Морозова общение с природой также естественно и необходимо, как пить, есть, дышать... Вероятно, сказываются «крестьянские корни», шутит сам артист. И хотя прошло уже больше двадцати лет с тех пор, как закончив среднюю школу, покинул Морозов родную деревню, он и сейчас не порывает с родным селом, с землей, вырастившей его, с землей, на которой работают отец, братья и сестры.

По-разному складываются актерские биографии. К одним успех и признание приходят сразу, с первых ролей, другим приходится пройти до него нелегкий, порой многолетний путь возмужания и накопления творческого потенциала, путь, пролегающий через множество сыгранных ролей.

Иван Морозов относится к последним. Пятнадцать лет работает он в нашем театре. До этого были Четвертый государственный подшипниковый завод, служба в армии на Дальнем Востоке, учеба в театральной студии, где сыграл Иван Морозов свою первую роль — Лаптева в «Егоре Бульбове». Сыграл, как написал тогда кто-то из рецензентов, «мягко, тепло, без нажи-

лосы, блуждающий взгляд, нервные порывистые движения... Постепенно от сцены к сцене показывал Морозов, как под влиянием Павла, Находки и других революционеров медленно оттаивала, отходила душа Николая, пробуждался от сна разум, теплели глаза, добрее становилось сердце, выросло классовое сознание профессионального революционера.

— Горький ставит актера на ноги, — скажет Иван Морозов много лет спустя, вновь встретившись с Горьким в спектакле «Зыковы», где он великолепно, сочно, ярко, с полным пониманием горьковской философии сыграл роль объездчика Шохина.

Ему, несомненно, повезло в том, что в первые же годы работы в театре он встретился с драматургией Горького. Но молодого актера ставил на ноги не только Горький. Ставили на ноги режиссеры и старшие товарищи по сцене. Он играл Лаптева бок о бок с такими мастерами нашего театра, как Александр Иванович Демич и Сергей Иванович Пономарев, играл в масовке «Ричарда» рядом с Николаем Засухиным. До сих пор вспоминает Морозов, какого внимания требовал от него, еще студийца, Засухин, обращаясь с одной единственной фразой: «Исправили мой шлем? Удобен стал он?»

Но довольно, однако, прошлого. Впрочем, куда от него денешься, если оно так прочно связано с настоящим... Когда говорят, что в последние два года артист Морозов сделал в своем творчестве качественный скачок, то ведь, наверное, не сразу и не вдруг произошел этот скачок.

Добрый, мягкий, отзывчивый Шугачев в то же время натура необыкновенно цельная. В свои пятьдесят с лишним он не утратил мальчишеской влюбленности в свое дело, веры в свое призвание. И хотя не создал он, с его точки зрения, ничего особенного, неослабно живет в архитектуре мечта — создать свой проект микрорайона, построить такой свой дом, за который не стыдно было бы перед детьми и внуками. Воплощение внутреннего такта и сердечной чистоты, Шугачев Морозова умеет, когда надо, постоять за свои идеи и убеждения.

И опять же все это появилось не вдруг. Глядя на Морозова — Шугачева, я почему-то вспоминаю добрейшую физиономию сибиряка-золотоискателя из спектакля «Традиционный сбор», который с той же сердечной чистотой и щедростью, умея не обидеть, дал Лиде Беловой деньги на поездку в Москву, на школьный сбор. И еще совсем крохотную роль Морозова в спектакле «Соловьиная ночь», где играл он сержанта, прошедшего сквозь кровь и огонь четырех лет войны и сохранившего в себе способность с какой-то трогательной, берущей за душу ласковостью называть доску — досточкой, реку — реченькой...

Молдавского крестьянина Келлина в пьесе И. Друцэ «Святая святых», всю жизнь оставшегося гвардии рядовым, Иван Морозов сыграл чуть раньше Шугачева, но в чем-то эти две работы артиста сходны между собой по внутренней своей сути. Келлин с его крестьянской заботливостью о земле, с его врожденным чувством ответст-